

ЭТНОГРАФИЯ

УДК 39.332

**ИЗ ИСТОРИИ ЗЕМЕЛЬНЫХ (ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ) ОТНОШЕНИЙ
В НАГОРНОМ ДАГЕСТАНЕ**

*(По программе фундаментальных исследований Президиума РАН.
Проект №2.17. «Традиции и инновации в истории и культуре»)*

М.А. Агларов,
Институт ИАЭ ДНЦ РАН, Махачкала

«И порядки, и законы, и нравственность, и даже самый ум наций, и все, наконец, всякое правильное отправление национального организма организуется лишь тогда, когда в стране утвердятся прочное землевладение. То же самое можно сказать и о характере землевладения: будь характер аристократический, будь демократический, но каков характер землевладения, таков и весь характер нации. Если землевладение и хозяйство слабо, раскидисто, беспорядочно, то нет ни государства, ни гражданственности, ни нравственности».

Ф.М. Достоевский.

(Презжие земледельцы – будущие дипломаты.
Собр. соч. Т. 14. СПб.: «Наука», 1995. С. 160.)

Аннотация: В статье показана специфика территориального строя и земельных отношений в Нагорном Дагестане, их изменения в исторической перспективе. Автор обосновывает тезис о том, что проблема перенаселенности Нагорного Дагестана в историческом прошлом решалась путем интенсивного ведения земледелия и скотоводства, специализации отраслей хозяйства, развития ремесел, торговли, т.е. практически всеми мыслимыми формами экономики доиндустриальной эпохи. Важнейшим из условий достижения такого оптимума в хозяйстве и демографии в Дагестане было формирование территорий как объектов собственности в юридическом смысле и их корректная организация для размещения инфраструктуры экономики.

Abstract: In the article there are shown specifics of the territorial system and land relations in the Mountain Dagestan, their changes in historical prospect. The author proves a thesis that overpopulation problem of the Mountain Dagestan in the historical past was solved by intensive farming and cattle breeding, specialization of branches of economy, development of crafts, trade, practically by all imaginable forms of economy of a pre-industrial era. Formation of territories as the objects of property in legal sense and their correct organization for placement of infrastructure of economy were the most important conditions of such optimum achievement in the economy and demography in Dagestan.

Ключевые слова: Дагестан, Нагорный Дагестан, сельская община, территориальный строй, земельные отношения, земельная собственность, землепользование, политический строй, земельное право.

Keywords: Dagestan, Mountain Dagestan, rural community, territorial system, land relations, landed property, land use, political system, land right.

Территориальный строй и его отражение в политическом и административном устройстве. Территориальное деление племен, народов, политических образований проходит через тысячелетия истории человечества, но в различные исторические эпохи и в различных человеческих обществах оно было неодинаковым. Роль территории, начиная с простого, но жестокого размежевания среды обитания для охоты и собирательства, с развитием общества

менялась, усложнялась и возрастала. Излагаемый материал по Горному Дагестану дает возможность увидеть эту возросшую и качественно новую роль территории.

Территориальное деление имело, помимо прочего, свою иерархическую структуру, отвечавшую условиям федерации джамаатов, т.е. «вольному обществу» или союзу «вольных обществ». Группа территорий джамаатов образовывала общую территорию «вольного общества», но без верховной собственности последнего, так как каждое общество могло выйти из союза и присоединиться к другому пограничному вместе со своей территорией. Таковы были отделение Ратлуба от Ахваха и присоединение к Гидатлю. Во многих случаях у союза обществ была «неподеленная» территория – она как бы олицетворяла структуру союза, эта земля называлась «бодул ракъ» (земля войска, народа), доходами от нее пользовалось все «вольные общества».

Наиболее интересно наличие «международной» территории Арахь-меэр (этимология: – «Верхняя сторона»), которую называли «Бодул ракъ» и на которой право пастбы имели все общества, входящие в Союз. Андийская и Гумбетовская федерации имели общие летние пастбища до их разделения в середине XIX в.

Горная часть Дагестана по плотности населения превосходит любую другую часть горного Кавказа. Географы отмечают 40–50 чел. на км² и, если вычесть бедленды (земли, непригодные к возделыванию), то это число возрастет в несколько раз.

Горный ландшафт не давал возможности централизованной организации и управления территориями, как это было в долинах Тигра и Евфрата и т.д. Здесь возникли альтернативные микротерриториальные образования и сложились соответствующие им отношения.

Территория джамаата до XX в. не просто была пространством жизнеобеспечения, а являлась сформировавшейся в юридическом смысле собственностью общины («коллективная частная собственность», К. Маркс), которая (как категория) вводилась в различные правовые уложения, охранялась. Каждая территория граничила с соседними, а та, в свою очередь, со следующей и т.д., образуя своего рода ассоциации или «мозаику» общинных (джамаатских) территориальных владений, которые соответствовали и политической организации дагестанского общества. Части территорий иногда арендовались малоземельным общинам, и часто отчуждались в пользу других общин или лиц, как плата за кровь. Ни духовенство, ни выбранные правители не имели ни юридических, ни фактических прав и привилегий по отношению к территории или к доходам от общей земли, которые распределялись между членами джамаата. Каждый отдельно взятый член общины являлся совладельцем всей территории и одновременно был частным собственником своей пахотной земли, сенокосов, иногда куска леса, домостроения и другого имущества, редко пастбища, которое в целом находилось в совместном (общинном) владении и пользовании. Во владельческих правах, которые превращали членов такой общины одновременно в ее суверенных правителей, в механизме выборов во властные структуры и заключалась природа старинных дагестанских гражданских общин (Аглиров М.А., 1988. С. 206).

Как категория юридического сознания – сама территория, так и ее строй имел обратное воздействие на всю общественную структуру малых и больших политических образований (единиц), сложившихся в Дагестане, в таком конкретном своеобразии, как т.н. союзы сельских обществ или вольных обществ. Интересно отметить специальную организацию общинами своих территорий с расчетом на хозяйственную автаркию, которая присутствует всюду, где только возможно и корректирует (вернее корректировала) в целом экономическую жизнь. Организация территорий после создания колхозов несколько изменилась, но автаркия частично сохранялась, как и общинный уклад. В современную эпоху хозяйственная автаркия погашается вследствие интенсивного развития рыночных отношений.

На Северном Кавказе, а то и на всем Кавказе территориальному строю в Дагестане, как и самим вольным обществам с их федерациями и конфедерациями, нет прямых аналогов, что отразилось еще в ранней русской историографии. Территориальная организация дагестанских обществ и политических единиц была куда более сложным и действенным фактором, чем это представлялось ранее.

Организация территории для экономики. Расположение аула и объектов хозяйственной эксплуатации, вернее, их взаиморасположение было многочастным: поселение с отселками и хуторами – ядро территории. Сразу же за поселением во всех направлениях, если благоприятствует ландшафт, следуют пашни и сады. Вслед за ними идут общественные и частные покосы, за покосами – присельские пастбища, за ними следуют субальпийские и альпийские пастбища и покосы. Такое трехчастное деление территории отразилось в названиях каждой из частей на всех языках горцев Дагестана. Привожу аварские названия: первая часть – *росо*

(поселение), вторая часть – *мегъ* (пашни и часть сенокосов), третья часть – *гIалах* (следующие за возделанной частью земли зимние пригревы и присельские пастбища). Трехчастная модель территории была повсеместной, и отклонения касались тех случаев, когда в чью-либо территорию входила зона с альпийскими пастбищами лесами и зимними пастбищами. Тогда территория многочастна.

Поселения. Где-то в раннем средневековье произошел процесс объединения мелких поселений в крупные аулы. Так, в первых же работах по поселениям Южного Дагестана (*Шихсаидов А.Р.*, 1984) по жилищу аварцев (*Исламмагомедов А.И.*, 2000), и даргинцев (*Османов М.О.*, 1962) было установлено, что крупные поселения не следствие естественного разрастания, а результат объединения ранее дисперсно локализованных мелких поселений. Повсеместно были фиксированы места их расположения и названия, собраны предания на эти темы. Были записаны местные предания причин и последствий их объединения. Сложившиеся из мелких, как наши авторы их назвали, «тухумных», в новые, крупные поселения типа «росо», «ши», они сами стали источником образования новых поселений на базе хуторских отселков, отпочковавшихся от метрополий. Сейчас, после изучения сложных схем территориального строя у горцев в старом Дагестане, а, главное, организации этих территорий, мы выходим на новые позиции понимания причин «пульсации» поселений в нагорной части Дагестана. Объединение исходных, «тухумных» поселений в одно означало объединение их территорий в одно хозяйственное пространство, что создавало новые условия для общинного контроля и для режимов хозяйственной эксплуатации. Точнее, объединение территорий малых поселений в крупные аулы являлось причиной синойкизма, а обороноспособность, считавшаяся основным мотивом их объединения, наряду с общественно-политическими и правовыми последствиями, была позитивным эффектом объединения их территорий в единое пространство – первопричины этого выдающегося демографического процесса.

Мегъ – возделанная часть территории. «Природа здесь не производит ни одной былинки, – писал Я. Костенецкий, имея в виду вторую возделанную часть территории *мегъ*, следующую за поселением, – а человек назло ей создал такую чудесную растительность, какую трудно иметь и в самых плодороднейших местах... Мы удивляемся голландцам, которые из болота сделали обитаемую среду. А взгляните на эти горы, где нет железа, и на лопатку, и вы действительно изумитесь: среди этих диких и бесплодных гор прекрасные деревни, плодороднейшие и огромнейшие сады» (*Костенецкий Я.*, 1851. С. 23). *Мегъ* – это единый комплекс пашен, садов, сенокосов, ирригационных сетей и летних времянок, основой объект жизнеобеспечения. *Мегъ*, как цельный объект, с точки зрения компактности планировки и рационального освоения пространства, устроен таким же образом, как и само поселение. Территория *мегъа* разделена на части искусственными рубежами, главными дорогами и водными ирригационными каналами, небольшими сенокосами, специально нетронутыми рощами и т.д. Все части *мегъа*, составляющие сколько-нибудь пространственно-ландшафтную цельность, имеют микротопонику. К примеру, Ботлихский *мегъ* делится на четыре блока: 1. Гвенну, 2. Гьикьукку. 3. ГачIибе, 4. Ссе миггилIи. Каждый из этих блоков делится на более мелкие части, именуемые как: 1. Аркъулу 2. ШайтIане (у чертей), 3. Сербарду, 4. АдимчIу, 5. Гунихе, 6. Гьину Себарду, 7. Инххе (у реки), 8. Гьвалибаргане, 9. СсамацIамалIи, 10. ТIурубакьIи (под навесами), 11. ХьачикьIи, 12. КIоркьIи, 13. Инци-микьехи (у родников), 14. Атиму, 15. Гугиха (у кукушки), 16. Татицаби, 17. Сардира, 18. ККъуллаша, 19. Кьомхи, 20. Семикьехи, 21. ЕхилмикьIи, 22. ХьабдикьIи, 23. Хьандире, 24. Корихе, 25. ЦIагьван, 26. ЦIумикье, 27. ГьамахилъIи гьарчIа, 28. Хамашуру, 29. Хандисса. Каждая из названных частей делится на участки и сенокосы, имеющие также свои наименования, большей частью по именам владельцев. Такая подробнейшая номенклатура предполагала, во-первых, частную собственность на земельные участки члена общины и, во вторых, возможность управления им, как цельным объектом, каковым *мегъ* и являлся. В результате не только местоположение какой-либо части, но и любой пятачок *мегъа* легко определялся с помощью топонимических ориентиров, как это делалось в завещаниях или в купчих, касающихся земли. Компоновка названных частей была оптимальной, ирригация – централизованной и легко управляемой. Есть случаи, когда тропы проложены по линии подземных арыков (с. Игали, с. Чиркей и др.).

Совмещая тропу с арыком, экономилась вся та же земля. Не только террасирование, но и изощренная борьба за землю в «тектонике» самой террасной структуры «мегъа» создает впечатление о строительстве, как о заранее запланированном* [*Заранее продуманным и запланированными представляют себе подобные искусственные земледельческие ландшафты в

других мировых центрах террасного земледелия (*Wheatley*, 1965. P.136).]. На самом же деле мы знаем, что архитектура аулов, как и *мегъа*, слагалась исторически, вследствие постоянных перестроек, застроек в заданные рамки пространства. Н.И. Вавилову, воочию знакомому со всеми мировыми центрами земледелия, принадлежит высказывание: «У нас в Дагестане можно видеть интенсивную террасную культуру, идеальное использование для культуры рельефа гор, максимальное использование каждой пяди для земледелия. Можно учиться умению рационально использовать каждый клочок ценной земли». И добавляет: «Вряд ли можно лучше использовать землю, чем это делают в Дагестане» (*Вавилов Н.И.*, 1936. С. 80). Борьба за солнечный свет и воздух бывает порою изощренной: случалось, правда редко, что садовые насаждения по краям террас владельцы пытались делать таким образом, чтобы дерево росло не вертикально, а слегка наклоненным в сторону поля соседа, а тот, в свою очередь, сажал деревья с наклоном в противоположную сторону или сторону поля другого соседа. Любопытно бывает смотреть на старые фруктовые деревья, растущие не вертикально, а с легким наклоном в сторону соседнего поля (В аналогичной ситуации византийский закон требует: «Если на сад падает тень от соседнего дерева, то пусть обрубит его ветви хозяин его» (Византийский земельный закон, 1936. С.109). Споры возникали не только за любую пядь земли, право на которую не доказано, но и за, так сказать, воздушное пространство (разбирали случай, только что нами описанный: способ посадки деревьев или постройки стены «не с тем наклоном»). Частые столкновения на эту тему нередко приводили к драматическому исходу, что побуждало общину (джамаат) принимать специальные решения. В крайне редких, лишь в жизненно важных случаях принимались решения, по которым композиции завывались до невыполняемого уровня, пока не удовлетворялся иск, признанный справедливым. Вот одно из характерных решений: «Если кто возведет вокруг своей земли стену, а другой предъявит иск и заявит, что эта стена ему мешает или вредит, то старейшины пошлют двух справедливых людей на место, чтобы проверить, действительно ли эта стена вредит истцу. Если они установят, что стена действительно вредит истцу, то пока стена не будет снята, за каждый день с ответчика взыскивается штраф по одной овце» (Памятники обычного права Дагестана, 1965. С. 81). Эта конкретная мера по охране прав владельцев земли в общем контексте отражает то, насколько все строение «мегъ» плотно сбивалось в единую систему, как уплотнялись частные секции (поля-террасы) в единую ассоциацию.

Обрабатываемая часть территории являлась не только комплексом пашен и сенокосов, но и после уборки урожая осенне-зимним пастбищем, и утилизация *мегъа* как пастбища была связана с единовременным освобождением его от посевов. Естественно, община была заинтересована в единовременном созревании злаков, условием чего является единовременный сев. Отсюда «закрытие *мегъ*» («мегъ къай»), т. е. начало работ (пахота), и «открытие *мегъ*» («мегъ рагъи»), т. е. окончание уборки урожая и отдача *мегъ* под пастьбу, были признаны едва ли не важнейшими организационно-хозяйственными функциями общины.

Территория, перестроенная непрерывной деятельностью чел., буквально создавшего вокруг себя среду обитания, стала фактором формирования нового сознания горца. Двусторонние связи природы и общества (*Арутюнов С.А., Чебоксаров Н.Н.*, 1972) закрепляли и воспроизводили самосознание дагестанских обществ. Если обычно двусторонние связи были более естественными на уровне взаимодействия окружающих объектов и сознания, то в нашем случае, когда антропогенный фактор вырастает в такой естественно-культурный комплекс, как *мегъ*, двусторонняя связь обретает иной, качественно новый уровень. Дуальная структура территории (частные и общие земли, рукотворные и естественные объекты, их пространственное расположение), методы эксплуатации, диктуемые дуализмом, отражались в социальном и культурном «бытии», в правосознании, на структурных связях внутри джамаатов.

Хозяйственная деятельность общины в течение многих тысячелетий видоизменила ландшафт Горного Дагестана. Террасирование полей приняло повсеместный характер и огромные масштабы. Территория стала собственностью общин, союзов общин и феодальных образований. Вся территория воспринималась обществом и существовала в правосознании как юридическое свойство, укрепляла гражданское сознание каждого из совладельцев территории. Такие естественно-культурные комплексы, как террасированный *мегъ*, будучи результатом деятельности общины, в то же время диктовали, закрепляли и консервировали структуру общины, превратив последнюю в по-своему законченную, отработанную, но мало податливую новым переменам систему. Это, пожалуй, самое важное для истории горских обществ следствие подобного типа воздействия «творения» на «творца».

Установление и соблюдение границ.

В письменных источниках наблюдаются два способа обозначения границ. Первый способ – это указания на границы по странам света и на границы соседних владений. Завещание Андуника составлено по этому признаку. Второй способ – более тщательный и подробный, с описанием самой границы без указаний на стороны света. Письменное обозначение границ владений Гидатлинского «вольного общества», относящееся к XVI–XVII вв., как и текст на Курахской стеле, содержит подробное перечисление топонимических объектов на границе владений. То же в трактате «Сведения о тех, кто первым обосновался на Гидатлинской земле, о том, как они ее распределили между собой и установили границы» (*Гидатлинские адаты*, 1957. С. 7–13).

Более распространенной была устная традиция обозначения границ. В большинстве случаев границы между владениями сельских обществ, обозначенные с чрезвычайной тщательностью с помощью объектов и микротопонимики, не фиксировались в письменных документах, а хранились в преданиях старших поколений, в коллективной памяти. Частые нарушения, произвольные и непроизвольные, приводили к столь же частым конфликтам, во время которых стороны также обсуждали границы владений между обществами вплоть до последнего камня. Границы территорий общин и их союзов обозначались опознавательными знаками, в частности, на их месте ставили невысокие каменные столбы или стелы. Установление границ был двусторонним актом с участием свидетелей. Очень часто проводили борозду, которая почиталась во всех древних земледельческих культурах как священная черта (*Агларов М.А.*, 2005. С. 141–146). Любопытно, что на аварском языке слово «рахъ» значит «сторона» («дур рахъ» – твоя сторона, «дир рахъ» – моя сторона), оно же имеет и второе значение – «борозда» («пурцил рахъ» – «борозда, проведенная плугом»)

Древнейшее письменное свидетельство фиксации границ было обнаружено выдающимся кавказоведом Л.И. Лавровым на каменной стеле перед входом в бывшую соборную мечеть лезгинского селения Курах, ныне центра одноименного района. Арабская надпись на ней с перечислением границ Курахской федерации датируется началом XIV в.

Экстерриториальность.

Одной из особенностей законов сельских общин Горного Дагестана, вытекающей из полноты права владения джамаатом территориями, была экстерриториальность – на своей земле община соблюдала правовой иммунитет чужаков и их имущества, не распространяя на них действия местных законов. «Ни добро, ни зло нашего джамаата не распространяется на пришельца», – гласил адат общества Урада. В случае воровства подозреваемый в нем чужак обязан был покинуть пределы пострадавшей общины, извещавшей власти его родного общества о совершении преступления с тем, чтобы они судили его на своей территории по своим законам. Весьма четко право территориального иммунитета вступало в силу во время совершения *ишкиля* – насильственного взимания долга путем захвата собственности односельчан правонарушителя, с целью заставить их принудить его вернуть имущество.

«Территория» как юридическая категория вошла в различные уложения в значении ограниченного пределами джамаата правового поля, в котором имели или теряли силу те или иные пункты правовых норм. Охрана жизни, чести и имущества лиц, оказавшихся на чужой территории, закреплялась в законах сельских общин и их федераций. «Если хваршинец убьет в своем обществе челов. из другого общества, – гласит дошедшее до нас в записи российских этнографов XIX в. постановление с. Хварши, – то убийца покупает и передает наследникам убитого саван в три обертка и быка стоимостью 10 рублей и, кроме того, делается кровником на общем основании» (*Памятники обычного права Дагестана*, 1961. С. 125). Более того, вне сферы юриспруденции защита гостя считалась незыблемым моральным долгом любого горца, служившим еще более надежным щитом путешественникам, чем декларируемая в кодексах местного права уголовная ответственность. Путники, послы, торговцы-чужестранцы, студенты и преподаватели примечетских школ (*медресе*) – все они пользовались во время своих странствий территориальным иммунитетом. У историков науки вызывало удивление, как на Кавказе, среди воинственных народов, находясь годами в самых различных, иногда очень глухих точках, чужестранцам, в частности членам Петербургской Академии наук, удалось в течение XVIII в. собрать огромный по объему материал, относящийся к географии, ботанике, минералогии, бальнеологии, археологии, этнографии и т. д.

Борьба за территорию выливалась порой в длительные тяжбы.

Территория как цена крови. Более сильные общины под угрозой военного разорения требовали землю за кровь убитого (убитых). К примеру, могущественные общества забирали территорию соседних, более слабых джамаатов в качестве компенсации за кровь убитых во время

столкновений между ними. Такая территориальная компенсация не была узаконена и предусмотрена ни в одном пункте адатов об убийствах, в отличие от шарията, но навязывалась сильными обществами угрозой войны и получала узаконение в виде соглашений. М.О. Хашаев опубликовал интереснейшее соглашение, составленное между Хунзахским обществом и пограничным с ним Голотлинским: «В 1217 г. хиджры (1803 г.) в месяце мухарам между хунзахцами и голотлинцами произошла большая драка. В этой драке со стороны хунзахцев были убиты Мирза Гитинов Магомед, сын Гаджиява, сын Шейхова, сын Патина-Хатун, сын Курбана. После этого хунзахцы поднялись по тревоге. Они намеревались воевать с голотлинцами, заняли местность над с. Голотль под названием «Сариси бижубеб гохI», ущелье, находящиеся рядом с ним, и все окружающие возвышенности, таким образом, чтобы голотлинцы не могли оказать сопротивление. В это время для установления между ними мира прибыли следующие лица: из с. Телетль – Чупан, Али-Султана, Магомед Нистагов, Кади Мулла Магомед, сын дибера из с. Гаджияв и люди из Гоор-Кеха. Они уговорили кончить дело маслаатом (миром) на следующих условиях: голотлинцы уступают хунзахцам свою землю, начиная от моста до речки Тобот, мост остается хунзахцам, земля, деревья, кустарники, трава – все принадлежит хунзахцам. На этих условиях маслаата согласились хунзахцы, голотлинцы и куядинцы. Свидетелями были перечисленные выше лица и, кроме того, из с. Куяда – Исалов и Горо-Хаджи, из с. Гоцатль – Дибир, из с. Урода – Хаджи, из с. Тануси – Лабазанилав и др.» (Хашаев Х.-М.О., 1967. С. 231–232).

В истории Дагестана мы не знаем прецедента, чтобы в качестве компенсации за кровь крупная община давала часть своей территории; крупные общества навязывали именно такие мирные решения маломощным общинам.

Пастбищная гора Бехулабил в показаниях Шамиля

Вокруг андийской пастбищной горы *Бехулабил* («Длинная гора»), расположенной по андийской и чеченской границе, из-за претензий аварских ханов как на свою собственность и активной их поддержки ичкеринцами, сложилась тяжба. Эта гора, известная в документах как «Халатаб меэр», стала предметом, вокруг которого не стихали тяжбы в течение двух с половиной веков и которые закончились конфискацией спорной горы в Российскую государственную казну. Во время Кавказской войны арендная плата, которую получали андийцы от ичкеринцев за гору, была передана в байтулмал Имамата, как об этом свидетельствует сам Шамиль, а по окончании войны ичкеринцы и чеберлойцы продолжали платить арендную плату андийцам за пастьбу овец. Претензии аварских ханов еще со времен Умма-хана на эту арендную плату оставались; ичкеринцы же отпирались от арендной платы, указывая, что дань получают андийцы, а ханы требовали ее от андийцев себе. Андийцы категорически отказывали ханам, не соглашались и не принимали во внимание необоснованные, на их взгляд, претензии. Привожу один документ, где специально подчеркиваю слова и предложения, свидетельствующие о том, что речь идет о притязаниях на арендную плату от ичкеринцев за «использование гор», а не на право получения или на получение ее когда-либо аварскими ханам. Документ переведен на русский язык в замысловатом стиле и тем не менее красноречив. «По поводу записки вашей ко мне относительно прав народных на горы под названием у нас Халатаб-Меэр и податей за словесные и письменные такие сведения: из письменных документов, дошедших до нас от ученого того времени Шейха Абдурахмана Абу-Муслима, а после него Шейха Дургу Нуцала, мы видим, что податями, которыми были обязаны люди, пользовавшиеся упомянутыми горами пользовались хунзахские ханы, повелители и потомки их; сведения же устные передаются нам теми людьми, находящимися еще и теперь между нами, на обязанности которых было самое взывание подати; и вот на этом-то основании андийский народ не имел права отказывать за пользование горами и в отдаче хунзахским ханам 8-ми бурок и быка. Эти свидетельства были подтверждены всеми нами в присутствии начальника Аварии полковника Катены. Что же касается до показаний и свидетельства андийцев, то в прочности своей они совершенно уподобляются прочности ткани, сделанной пауком, готовой разрушиться даже при дуновении ветра» (Цит. по: *Церетели Г.В.*, 1936. С. 106–107). Источник не датирован, но по содержанию можно предположить, что речь идет о 60-х гг. XIX в. Исследователи ограничиваются, опускают замечание, противоречащее содержанию документа, поскольку там речь идет о том, что андийцы «отказывают», считая претензии необоснованными. Л.И. Лаврова смутил состав дани за *Халатаб-Меэр*. Он писал: «Вызывает некоторое недоверие первая часть этого сообщения, так как она очень напоминает, я бы сказал, повторяет более древнее известие Мухаммеда Рафи о характере дани, которую андийцы должны были платить Казикумухскому шамхалу» (*Лавров Л.И.*, 1980. С. 99). Отсюда очевидно, что автоматически андийская дань шамхалу Казикумухскому буквально (восемь бурок и один

бык) переписана на имя нуцала, а в документе «перекочевала» как арендная плата за пользование горой *Халатаб Меэр*. Ичкеринцы утверждали, что за гору они должны были платить ханам, а не андийцам, что мотивировалось незначительностью ханского ясака по сравнению с андийским.

В материалах комиссии, созданной по пограничному конфликту и судьбе горы «Бехулабил» (анд.), или «Халатаб меэр»(авар.), или «Бехимлам» (чеч.), указывается, что был послан запрос имаму Шамилю в Калугу на этот счет, однако тот «не ответил». На самом деле, ответ был дан, но не был пущен в ход – иначе он разрешал бы запутанный клубок дел, послуживший основой для конфискации части андийских гор в казну. То, что ответ был дан, но, как «невыгодный для целей правительства», не был пущен в ход, видно из материалов нового рассмострения в 70-х годах XIX в., когда специальная комиссия разбирала жалобы андийцев и ичкеринцев относительно спорных гор. Письмо Шамиля было категоричным и безупречным по доказательности. Известный востоковед Г.В. Церетели в 1936 г. опубликовал собственноручно написанное Шамилем письмо, хранящееся в Музее Грузии в Тбилиси и относящееся к спорным горам, арендной плате и прочим спорам. Этот документ можно считать решающим в запутанном споре о горах, и потому, видимо, он оказался «под сукном». Оно было написано как ответ на запросы А. Руновского. Ниже дается перевод письма академиком Г.В. Церетели.

«19 Рабиуль аввала 1281 года (22. VIII. 1864).

Нашему старому другу капитану гвардии Аполлону Руновскому, да возвеличится его сан! А затем вот что. После того, как дошло до нас Ваше письмо с Вашими вопросами о пяти делах, мы отвечаем то, что соответствует действительности.

Первый из них: «Что Вы скажете относительно гор андийцев, идущих от Чарбили до Баяни, принадлежали ли они аварским эмирам или нет, отнесли ли Вы их государственной казне или нет и чем кончилась тяжба между деревней Харачи и андийцами из-загорь?»

Ответ на это: Что касается гор андийцев, (идущих) от Чарбитли до деревни Баяни, то я застал их в руках андийцев. Они распоряжались в них как владельцы, по своему благоусмотрению (делали) купли и продажи, запрещения (пользования горами) и взимания подати с тех, кто приходил на пастбища со своим скотом и стадом, как это известно жителям Чарбили и Гумбетам и др. Я не знаю, принадлежали ли они аварским эмирам*[*Фраза седьмой строки точнее переводится, как «Я не знаю, чтобы они принадлежали аварским эмирам»], однако жители Ичкерии утверждали это, но андийцы отрицали это и опровергали крайним опровержением; я не слушал их*[*Местоимение «их» согласно изофатам оригинала относиться к чеберлойцам]. В переводе Ерофеева: «Не знаю также, чтобы горы эти когда-нибудь были собственность аварских ханов, хотя ичкеринцы доказывают свои права; настойчивость же противоречия (несогласия) андийцев в доказательствах доходит до крайних пределов. Не обращаю и я внимания на показания ичкеринцев, как не заслуживающих вероятия ...» (См.: *Церетели Г. В.*, 1936, С. 107); Ерофеев в переводе местоимение «их» относит к ичкеринцам, что и следует по оригиналу, согласно указаниям изофатов, значение которых, как пишет Церетели Г. В., «ему остаются непонятным» (*Церетели Г. В.*, 1936, С. 114) (жителей Ичкерии) слов, так как у этих утверждений не имеется опоры, за которую можно было бы ухватиться перед законом, несмотря на существующую с древних времен крепкую зависть между жителями этих двух обществ, (ичкеринцев и андийцев. – Авт.), я их не относил к государственной казне, но, когда настоятельная необходимость, в интересах страны и по соображениям политики, вынудили меня к этому, потребовал я с них*[*Согласно изофатам «с андийцев»] подать их гор, взываемую ими с жителей Ичкерии и с остальных деревень Чечни, когда их скот и стада паслись на этих горах. Они приняли мое требование с покорностью и удовлетворением и вручали взываемую ими подать ежегодно моим посланцам, после того как они ее собирали. При этом я брал только то, что было обычаем среди жителей Дагестана брать и давать друг другу с гор, лугов и участков земли в качестве подати за пастбища. Вот так.

Что же касается деревни Харачи и андийцев, то они принесли к нам тяжбу из-за горы, что перед их*[*Согласно изофатам Харачой] деревней за рекой. Я приказал решать его по закону, вследствие чего выиграли андийцы и проиграли Харачи» (*Церетели Г.В.*, 1936.С. 106–107).

Спор продолжался до 1871 года.

Властей не удовлетворили ответ и разъяснения Шамиля по той причине, что все имения аварских ханов были конфискованы в казну – андийская гора Бехулабил (Халатаб-меэр) была бы вкладом в эту акцию. Шамиль указывает на то, что андийские горы всегда принадлежали андийцам и доходы за их аренду ичкеринцами получали андийцы, что все это хорошо известно гумбетовцам и ичкеринцам.

Собственно, из-за этой, не затухающей уже около ста лет, тяжбы, комиссия 1869 года по установлению границ между Дагестанской и Терской областями и упоминает о письме Шамиля. Она винит Шамиля в некатегоричности (!) показаний, но тут же откровенно указывает на их «несоответствие для целей правительства». В протоколе комиссии имеется соответствующая запись: «Что же касается показаний Шамиля, то последний в свойственной ему хитрости, не дал категорического ответа на заданный вопрос, а рекомендовал комиссии решать этот спор по шариату или по адату (по обычному праву), но оба эти способа комиссией были признаны не удобными и не выгодными для целей правительства. Комиссия признала обратить эти горы в исключительную собственность Государства» (*Церетели Г. В.*, 1936, С. 113).

(На последней письменной апелляции андийцев относительно возвращения конфискованных гор Великому Князю во время его приезда в Дагестан была положена резолюция: «полагал бы отказать»). Терская область расширилась за счет Дагестанской области. Большую роль в искажении истины играло и то, что изданное еще в 1936 г. письмо Шамиля из Калуги оставалось вне поля зрения исследователей. Письмо это, которое оставалось в забвении, здесь приводится впервые. Относительно споров об этой горе в народе сложилась притча. Привожу ее в изложении Т. Айтберова, который записал выражение со слов востоковеда М.С. Саидова: «Мугрул гИандадерил, гИи буртиязул, ясахь Гумма ханасе – гьегбо щиб гIадат?» («Горы андийские, овцы ичкеринские, подать Умма-хану – что за обычай?»). Выражение «Гьабго щиб гIадат» точнее объясняется как «Разве так бывает?» То есть нонсенс.

Документы свидетельствуют, что при мотивации прав владения и собственности на территорию, помимо концепции «росдал ракъ» («земля аула» в плане нового, «наследственного» владения), использовались все формальные акты признания этих прав. Из прошения жителей с. Ригьикь на имя генерал-губернатора Дагестанской области по поводу притязаний на часть их земли Ахвахского союза сельских обществ мы узнаем, что в начале XIX в. на их земли претендовали и хучадинцы Гидатлинского общества. В прошении дословно приводится письмо Шамиля, решившего этот спор в пользу с. Ригьикь. Письмо любопытно указанием границ земель, а также свидетельством посредников в пользу жителей с. Ригьикь: «Моему любимому брату наibu Нурмухамеду привет. Затем тебе приказываю, отврати жителей селения Хучада от их притязаний к жителям аулов Къятикь и Ригьикь по поводу владения землѣй со стороны ущелья, обращенного в сторону Ригьига до Цуриба, оттуда до места стоянки Нуцала, оттуда до ГьаргьаритIа, а оттуда до ущелья Гьардохь и оттуда до КъитIахь. Благодаря свидетельству алима Мухамада из Ахваха, алима Омара из Цекоба, алима из Урада Батыра стало явно, что вся эта названная территория является их собственностью. Мне стало известно, что Гидатлинцы в тяжбе с ними по причине раздела гидатлинцев с ними. И я тебя упрекаю в том, что ты позволил себе усомниться в их (ригьиклинцев. – Авт.) праве собственности на территорию, как это было известно находившейся во владении этих сел (Ригьикь и Къятикь). Ты останови тяжбу, как я тебе велел и ранее. Мир, 1266 г. хиджры, 11 месяц мухаррам, среда» (Распоряжение..., Д. 510).

В российский период в Дагестане власти вмешивались в поземельные сделки, опираясь на традиционные механизмы, но специальным предписанием было запрещено употребление в документах понятия «частная собственность» и установлено заменить его категорией «пользование», как, к примеру, в ниже приведенном документе о разграничении территорий между двумя селами.

«Вследствие отношения от 24 ноября 1887 года за №266 представил в Комиссию копию маслаатского решения с переводом, состоявшемся 7 октября 1888 года по поземельному спору между обществами селений Гадари и Аргуани Андийского округа.

Перевод:

«С давних пор неоднократно возбуждался между названными обществами спор за участки земли: *Барца-Кары, Иаллаб Габуртали, Баараб Калатлул Гомог, Батлул Гомог, Шамхалил Хаара, Хасанбегил Гомог, Ноходул Щоб и Хархал*. Эти земельные участки простираются в длину до Чиркатской общественной земли по южному склону и к северному склону, а в ширину – до Гадаринских общественных земель. Для разрешения этого дела Помощник Начальника Округа Закутовский выехал на место спора с Андийским окружным судом.

При решении дела присутствовали Прапорщик Мазак Магомед оглы, Ангута Халил оглы, Магомед Иман оглы, Гаджиов Абдул Галим. Вместо наibов Гумбетовского и Андийского прибыли на место спора депутаты их Мамаат хан Султан оглы и Омар Дауд оглы.

Туда же были вызваны почетные лица из соседних селений: ансалтинский Омар Дибир, чиркатинский старшина Салман и их односельцы Гаджиов Кура Магома оглы, Гимбат Абакар

оглы, Салман Али оглы, Хадис Хаджиов Дарвиш оглы, Махмуд Сулейман оглы, Магома Юсуф оглы, Якуб Шамхал оглы, Магомед Али Муртузали оглы, Али Магомед Али оглы, Магомед Али Абдул Кадыр оглы, Гаджи Магомед Магомед Али оглы и Омар Нуров оглы.

Из селения Данух – Даци Магомед Амин оглы, Иса Кичибек оглы, Омар Нурмагомед оглы, Гаджиов Амир Хан оглы, Салат Гирей Ама оглы и Омар Чопалав оглы.

Из селения Мехельта – Магомед Абдулла оглы, Мусса Омар оглы, Ордаш Магома Али оглы, Юсуф Мирза Хан оглы, Муртузали Гаджиов оглы и Умакилов Мусса оглы.

По предложению всех этих собравшихся лиц поверенные спорящих сторон дали свое согласие кончить дело маслаатом. Поверенными от общества селения Гадари были назначены Салат Гирей Али оглы и Магомед Мирза Нур Магома оглы; от общества селения Аргуани назначены поверенными Черкес Халит оглы и Сараждин Дауд оглы.

Поверенные эти явились с доверенностями от своих обществ, уполномочивающих их кончить дело как им заблагорассудится, по шариату или маслаату. Один из Гадаринских поверенных заявил, что на спорной земле они, в числе 62 лиц имеют собственные участки, которыми они всегда пользовались. От поверенных каждой из спорящих сторон отобраны отдельные подписки в том, что они согласны кончить дело маслаатом в присутствии Помощника Закутовского, членов Андийского окружного суда и поименованных почетных лиц. Подписки поверенные подтвердили приложением своих пальцев.

Поверенные селения Аргуани Сараждин Дауд оглы и Черкес Халит оглы, поверенные селения Гадари Салат Гирей и Магомед Мирза. Октября 7 дня 1888 г.

В виду согласия поверенных спорящих сторон кончить дело маслаатом, все присутствовавшие объехали все спорные места, не исключая оврагов, курганов и возвышенных мест.

После объезда был установлен следующий маслаат: земля от самого начала Боцокари Майдана до Цабалаб Габуртли должна находиться в пользовании Аргуанинцев, а находящаяся позади, под названием Ноходул Щоб до земли Чиркатинского общества в пользовании Гадаринцев. По окончании раздела поставлены пограничные знаки: от возвышенных холмов до большого хребта, от дороги через овраг до противоположной горы и далее чрез дорогу до другого оврага. Земля и лес к стороне селения Аргуани должны находиться в пользовании аргуанинцев, а к стороне селения Гадари – в пользовании гадаринцев.

Так окончен этот спор между двумя обществами 7 октября 1888 года.

Подпись: Помощник Закутовский и члены Андийского окружного суда. Составил Письмоводитель Дибир Будунув Кудутлинский.

Перевел Переводчик Канцелярии Военного губернатора Дагестанской области штабс-капитан Магомедов» (См.: *Тахнаева П.И.*, 2012. С. 40–41).

Очевидно, что власти пользовались межобщинными механизмами миротворчества. Стремление к равенству не только граждан, но и самих общин, их статуса по отношению друг к другу было характерно локальным сообществам. Новообразовавшиеся общины стремились к сепарации от общин метрополий, что также приводило к конфликтным ситуациям (передел территорий и т.д.). Пацифистская энергия народа также оказалась перемещенной из размытых этнических полей в сферу межобщинных отношений. Способы разрешения конфликтов, как говорилось, были за пределами обычной бытовой культуры, этнической солидарности в том числе, в сфере публичных законов, которые обслуживали исторически сложившие местные сообщества в форме гражданских общин – горских джамаатов.

Военные действия одних обществ против других пересекались санкциями закона. Так, 53 пункт «Свода решений, обязательных для жителей Андалальского округа» гласит: «Если крупное селение наше захватит себе наше маленькое селение, то с крупного селения ежегодно взыскивается по 100 баранов». Или: «Если крупное селение учинит насилие над маленьким селением, то все селения округа помогут ему избавиться от этого насилия» (Памятники обычного права Дагестана, 1961. С. 65). Еще более категоричны постановления других вольных обществ и их союзов. Устанавливаются штрафные санкции на те окрестные общины, которые уклонились от обязательств наказать общину-агрессора (общество Хунз). Так, в 92 статье постановлений их кодекса говорится: «Если жители одного аула самоуправно захватят луга и нивы другого аула, нарушив при этом обычаи края и законы кодекса, то соседние аулы должны заступиться и дать отпор нападающим. Если они этого не сделают, то с каждого соседнего аула взыскивается 10 голов овец» (Памятники обычного права Дагестана, 1961. С. 268). Законы союзов игнорируют побудительные мотивы для нападения общества на общество, как бы они ни были весомы.

Агрессия пресекается, очевидно, чтобы исключить прецедент, иначе могла иметь место цепная реакция, то есть угроза принципа домино.

Механизмы погашения межобщинных споров и столкновений были многообразны. В спорных ситуациях для освидетельствования границ привлекались не все, а лишь отдельные лица, не только известные знанием границ, но и обладавшие безукоризненной репутацией справедливых и достойных доверия людей. К примеру, по случаю потравы скотом, принадлежавшим хуторянам с. Урада, пастбищ в пограничной местности Гьину, которую жители с. Мачада считали своей, последовало распоряжение, в котором, в частности, говорилось о том, чтобы в связи с потравой и конфликтом «оба джамаата послали по два челов. для опознания границ» (Распоряжение., Л. 3–5). Межобщинные конфликты разрешались *маслаатом* (миротворческие комиссии), который творили представители других, не вовлеченных в конфликт общин-джамаатов. Военные действия исключались под угрозой разорения агрессора совместными усилиями

Устойчивость территориального строя в исторической перспективе.

Соблюдение границ и владение территориями в Дагестане по существу оставалось неизменным и неререформированным принципом даже при всех самых радикальных социально-экономических, политических переменах. В имамате территориальные владения обществ были защищены, и Шамиль создавал государственные земли «байтулмал» не из территорий обществ, а исключительно из конфискованных у феодалов и полученных по «назру» (дарение) от обществ земель. В российский период истории земля была объявлена государственной, но власти оставили положение вещей неизменным. Советы также отказались от попыток перераспределения земель и изменения территориальных границ, что диктовалось экономической целесообразностью, так как любые попытки изменить границы вызывали протесты сельчан вплоть до восстаний. Современное углубление реформ по муниципальному праву на территории можно прогнозировать как сохранение статус «кво» на границы бывших территориальных владений, как оно произошло при колхозах. Нужно подчеркнуть несостоятельность представлений об «этнических территориях», речь может идти о политических и этнополитических образованиях – субъектах права на землю. Становление такого гражданского типа общины шло, прежде всего, как формирование собственников земли: каждый член общины должен был быть частным собственником своей земли и непременно совладельцем всей территории общины. Этот дуализм частного и общественного пронизывал не только отношения собственности, но и все сферы вплоть до культуры, сознания, общинно-гражданского мировосприятия и т. д.

Какие бы формальные перемены ни происходили вплоть до распада урбанизированных поселений на селения и хутора и наоборот, разделение или объединение территорий, основы политического строя и идеалы (общественное во имя частного и наоборот) оставались непреходящими ценностями в гражданской общине. Нам известны процессы, которые происходили в исторически обозримое время и коснулись многих сторон экономической, культурной и политической жизни, но не существа самой общины.

ЛИТЕРАТУРА

Агларов М.А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. М.: Наука, 1988. – 206 с.

Агларов М.А. «Когда празднуют мой праздник...» // Древности Кавказа и Ближнего Востока. Махачкала, 2005. С. 141–146.

Арутюнов С.А., Чебоксаров Н.Н. Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества // Расы и народы. М., 1972. Вып. 2. С. 8–30.

Вавилов И.И. Мировой опыт земледельческого освоения высокогорий // «Природа», 1936. № 2. С. 74–83.

Византийский земледельческий закон. §31, Л., 1984. С. 109.

Гидатлинские адаты / Под ред. Х.-М.О. Хашаева и М.-С.Д. Саидова. Махачкала, 1957. – 42 с.

Исламмагомедов А.И. Аварцы: историко-этнографическое исследование. Махачкала, 2002. – 431 с.

Костенецкий Я. Заметки об Аварской экспедиции на Кавказе 1837 года. СПб., 1851; Махачкала: Изд-во Дагестанского центра гуманитарных исследований имени Имама Шамиля, 2011. – 178 с.

Лавров Л.И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецких языках. Ч. 3. Надписи X–XX вв. Новые находки. М., 1980. – 168 с.

- Османов М.О.* Поселения даргинцев в XIX–XX вв. // УЗ ИИЯЛ. Т. 10. Махачкала, 1962. С. 217–228.
- Памятники обычного права Дагестана. М.: Наука, 1965. – 278 с.
- Тахнаева П.И.* Аргвани. (Исторический портрет сельской общины Нагорного Дагестана). М., 2012. 486 с.
- Распоряжение в связи с пограничным миром между Урада и Мачада // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 16. Д. 510, 522.
- Хашаев Х.-М.О.* Общественный строй Дагестана в XIX веке. М.: Изд-во АН СССР, 1967. – 262 с.
- Церетели Г.В.* Письмо Шамиля из Калуги // Записки ИВ АН СССР. Т. 5. М.-Л., 1936. С. 97–146.
- Шихсаидов А.Р.* Эпиграфические памятники Дагестана X–XVII вв. как исторический источник. М., 1984. – 463 с.
- Wheatley.* Agricultural terracing // Pacific viewpoint. Vol. 6. № 7. May, 1965. – 136 p.

Рис. 1. Акведуки. Старый Чиркей. Фото автора. 1965 г.

Рис. 2. Курахская стела с записью пределов и границ Курахского общества в XIVв.

الاجتار قبلا انتم الكفيلة الكوردي افنون روكوسكي زبده فوره

اما بعد لله وجه ابنا حياكم ونسواكم من اتهم رخصت اجلكم ما يهت
 الوافع احدها ما نشرونه فحفت جيشان عند ان جري الى بيان مثل كا
 لامرته او ارام لا واولادك لا من بيت المال ام لا فنه واختم اتموي به
 فربه خرخر فاعتد ان لا تعلق الجيوب لذلك اما اجبا انفاقا من جري
 الى قريه جبه فهد وجدنا في ابيهم بغير قوته فيها نفرض الملاي بالبيع والبيع
 و انما الخراج عهدهم بالعلم والاعمال في اقامه كما هو مشهور عندنا في
 جزيه وكيت في جزيه ولا اعلم كونها لامر او اقرين المال ايجري
 كما هو مشهور في هذه الوجوه من انكرونا عهدهم في ذلك بقا
 الا انكرونا لا اطيع الى اقرانهم لان لا يوجد الاضال هذه الاقوال
 غروره يمكن ان لا يفتش بانته رستور الخا شعبه اصل الولا بهي من
 الزمان الاقار والم جليله غير بيت المال فورا لا امنت طابع الاضال
 الولا في اتمام التسياسة امنت منتم جزيه باسم التي باعده من
 امالي ايجري ومن شازر في جزيه جزيه افساحهم وشوا بيهم في علم الجبال
 فيقولوا المشايخه انا طوعنا ورضا ونسلكوا الخراج المأخوذه منهم كل عام الى
 ابي زبي ندهان عطوفه بينهم كانه اعد خراجنا لزيه ان وانما
 ايضا ما يكلفه لم يكن فيها جزيه والامرجه والا يمش الا وكونت اعد خواجهم
 كمن لا تاجر كونها لامرته او ان لا يكونها جزيه بيت المال بل شك الغرضه
 الماشيه ونسبه ذلك لم تأخذ انما عهد اخذه وندت به امالي دانستان
 بنعتمهم بعين من الجبال والخرجه والايضا على مشي الخراج ارضي هذا
 وانما نايه فريخ جزيه وعند ان قد نرا ضوا اليها دعوى فحفت جبهه
 فريه نا ودا افسد فامرت بختهم بالسرجه تظير عندنا كقوله خرخر
 وان نايه ما شرونه كالفقيهه جها به فريخ بنقده ونسبه من الجبال الخراج
 فيسلك الجيوب لذلك انما ان كشاهر بينه في ذلك الجبل المشركه اربك
 رسلا لا تقاطع انا جيب وضرالترين وكرها ثم اذبح الحظ به ايلينا

بشك ان لا يلبه وروا من الجاهل ان الله افخر هذا انما الجاهل وفتح
 فريخ كجول وبشك ان الجيوب لذلك ان كان النزاغ ايها في خراج الخراج
 فله طاه كجول بعين صفى بان نكيشون بقسودون في مزارعهم بالرسال
 الدواب وعمره جها جيا في اخطا مزارعيه المحركه لهم في مزارع بعين
 بشركه وعمره فلا يقدرون بعينهم في البيع على الماسد الغنم فونهم وقطع
 عدوهم قنيت نجان ككرش من ذلك الفضا المردود ومنتظره من ارض
 في مزارعهم بعد بلوغ هذه النكابه اليها وارضهم اما سبب ذلك المزاج
 لامل يتبين بلن الشلل او باجانر تها به باجره النيل كحسا ايح المسفة
 را ايها جها وفتح جها اهل الرشيق والمظفر ونسب فحفت جبهه
 الخويج لذلك لم يرضع اليها دعوا في حيا عطاه فلا يدري ككابه هذا
 خا شها جها وفتح جها اصل فريخ جبه ونسبته في حفت جبهه بل ورضق
 الجيوب لذلك لا انذار الا ان حفتنا حافظت ايضا وكون اذن ان
 لم تقم دعوا على اهل اركشم حتى فريخ لليرة هذا نوا لعولم عندنا
 بشيا وانت توالي اعم جشانت الامور وبدهه منا بغيره والير

ننا وفتح خبرنا في 12 اسه شمس ربيع الاول في حدوده كالنوكة الحنه

وانا افقر الشيخ الهرة بشك بل

Собственноручное письмо Шамиля из Калуги

Рис. 3. Письмо Шамиля из Калуги.

